

ПРЕДИСЛОВИЕ

* * *

Избранные — кем и чем они избраны? Что помимо — это само собой разумеется — авторского произвола объединяет героев этих — ни в коем случае не парадных портретов — а очерков и набросков?

Гениальных актеров Олега Янковского и Марчелло Мастроянни.

И притчу во языцах актерского цеха Жа-Жа Габор, «прославившуюся тем, что она прославилась».

Ингмара Бергмана и Микеланджело Антониони.

И патентованного халтурщика Анатолия Эйрамджана, чье имя синоним пресловутого «кооперативного кино».

Бунтаря и безобразника Хантера Томпсона.

И чудо-ребенка Ширли Темпл, воплощавшую все, что ненавистно таким, как Томпсон.

Татьяну Самойлову, бессмертную «девочку-белочку» из фильма «Летят журавли».

И звезду наивного садомазохистского порно Бетти Пейдж.

Объединяет их, патетически выражаясь, не «вклад в мировую культуру», а то, что в каждом из них отразился двадцатый век. Или — если взглянуть на них в другом ракурсе — каждый

из них создавал свой и наш общий двадцатый век. Каждый — в той или иной степени больше чем актер, писатель или режиссер: поэт «больше чем поэт» не только в России. И каждый не равен своему окостеневшему в массовом сознании амплуа.

Посмотрим, чтобы далеко не ходить, на фигурантов великой эпохи советской культуры 1960–1980-х годов. Что было бы, если бы некий волшебник вернул к жизни и собрал их за одним столом. Исходя из простого и удобного, черно-белого взгляда на мир, многие из них в лучшем случае демонстративно игнорировали бы сотрапезников, в худшем — не обошлось бы без драки. Поэты самиздата злобно косились бы на литературных «генералов». Антикоммунисты — на тех, кто не поступился принципами. Режиссеры-эксцентрики — на адептов экранного натурализма.

Но, представив себе такой сценарий их встречи, мы перенесем в космос культуры сиюминутные, земные, пусть и яростные, конфликты. А космос живет по принципу, сформулированному героем Андрея Платонова: «Без меня народ неполный!»

Советская культура во всех своих версиях — официальной, либеральной, подпольной — едина. Неполна в равной степени без Сергея Михалкова и Анри Волохонского, Юрия Бондарева и Алексея Германа, Николая Губенко и Михаила Жванецкого. Именно благодаря их сосуществованию и их несочетаемости она была столь полнокровной, страстной и противоречивой.

Попробуй на излом любую, казалось бы, намертво окаменевшую репутацию, и она обернется своей противоположностью. Нет, я не пытаюсь разрушать репутации, а напоминаю о многоликости, изменчивости любого человека и художника.

Напоминаю, что Юрий Бондарев некогда был модернистом и жесточайшим, по компетентному мнению председателя КГБ Семичастного, антисоветчиком, антиподом елейного фаворита партии и правительства Солженицына. Что

Сергей Михалков вел заочный поэтический диалог с Даниилом Хармсом. Что жестоко пострадавший от цензуры Геннадий Полока оставался верен духу большевистской революции и категорически отказывался проклинать эпоху, столь суровую к нему. А символ нонконформизма Алексей Герман бывал столь же нетерпим к инакочувствующим коллегам, как были нетерпимы к нему былые «хозяева дискурса».

Что я действительно хочу разрушить, так это стереотипы, сводящие того или иного героя к одной роли, одной функции. Алексея Булдакова, успевшего только проявить, но не реализовать в советском кино свой драматический темперамент — к замечательной маске «генерала Михалыча» из «Особенностей национальной охоты». Или, того похлеще, трагическую Евгению Уралову, икону 1960-х, звезду «Июльского дождя» Марлена Хуциева — к личине Екатерины Великой из рекламы банка «Империал».

Вспомним молодыми тех, кого застали — если еще застали — отяжелевшими, уставшими, имитирующими самих себя. Юного лирика Евгения Евтушенко, невзначай напроочившего в стихотворении об исчезающем в снежной пелене профессоре математики собственную печальную судьбу «приглашенного профессора» заштатного американского университета. Андрея Мягкова, сыгравшего — до пресловутой «Иронии судьбы», ставшей его актерским проклятием, — юного, самого необычного Ленина советского кино. Армена Джигарханяна, когда-то — как ни трудно в это поверить — тоже олицетворявшего романтику 1960-х.

* * *

Другой резон, которым я руководствовался, это — простите за высокопарность — долг памяти. Но «долг памяти» легко оборачивается ловушкой.

Одно дело — украсить текст мозаичными воспоминаниями об Алексее Германе, Викторе Сосноре или Олеге Янковском. Ну или о Тео Ангелопулосе, Тонино Гуэрре или — читайте, завидуйте: я был знаком с самим «беспечным ездоком» — Деннисе Хоппере. То есть о людях, которых я знал, но с которыми не был близок.

Совсем другое, зачастую проигрышное дело — писать о тех, кого не только знал, но и любил. Как знал и любил русско-французского художника-поэта-актера Толстого (Владимира Котлярова). Сколько бы я ни переписывал текст о нем, все не то. Бешеный, чудовищный, порой отвратительный, порой трогательно нежный, всегда — титанически полнокровный человек, приютивший меня, тогда едва знакомого, в непростые для меня парижские дни, категорически отказывался уместаться в рамки любого текста.

Текст о Толстом, однако, вошел в эту книгу, в отличие от текста об одном из самых красивых людей, которых я встречал в своей жизни — Викторе Анатольевиче Сергееве (1938–2006), возглавлявшем «Ленфильм» в катастрофические для студии 1996–2002 годы. А ведь как эффектно было бы написать, что в ноябре 1996 года он, только что назначенный — о чем еще никто не знал — директором студии, — подарил мне на тридцатилетие ручку с золотым пером: вот, Миша, когда станете директором, будете этой ручкой подписывать приказы. Прошло двадцать пять лет, «Ленфильма» нет, остались одни лишь сменяющие друг друга директора студийных руин. Ручка так и лежит в моем столе, но даже достойного текста о Викторе Анатольевиче я не написал. И это притом, что писал я о нем много. Но это «много» касалось в основном его борьбы за студию, пусть и проигранной, но завершившейся беспрецедентно красивым хлопком двери: Сергеев ушел, не просто не смирившись с бандитскими условиями ее приватизации, но огласив — вопреки всем

номенклатурным правилам — подробности аферы, и борьбу продолжил. Через оставшихся ему верными студийных работников он получал и передавал мне документы о том, что творится со студийной собственностью. Обнародованные «Коммерсантом», эти документы стоили мне уникальных за всю мою журналистскую карьеру тревожных дней: грубо говоря, страшно было домой в сумерках возвращаться. На долю критиков — в отличие от криминальных репортеров или военных корреспондентов — такие эмоции почти не выпадают. Но за то, что я их испытал, я Сергееву благодарен.

* * *

Не написал я и отдельный текст о литовском гении Витаутасе Жалакявичюсе: впрочем, несмотря на скорострельность нашего знакомства, он позволил мне обращаться к нему «просто Витас». В этой книге он присутствует лишь тенью в главе о Донатасе Банионисе. Аналитически писать о нем как о режиссере — а он был по жестокости своего мироощущения и по своему таланту равен Ингмару Бергману — труд, неуместный в этом сборнике. А простой рассказ о нашем трехдневном общении с ним в Вильнюсе в 1995 году останется анекдотом, хотя и драматическим, если не трагическим.

Витас пригласил меня как автора полюбившегося ему текста о фильме «Никто не хотел умирать» на празднование тридцатилетия своего шедевра. В первую же ночь, на первом же банкете в гостинице «Неринга», культовом логове литовских шестидесятников, я вдруг почувствовал весомый удар кулаком в спину. Обернулся: кто его знает, чего ждать от горячих литовских парней. И увидел смешного и гордого, похожего на воробышка джентльмена с усиками, который, спрятав руки за спину, невозмутимо по-детски заявил: «Это не я, это не я. Но, раз уж вы обернулись, позвольте представиться: Витас».

Только потом мне объяснят, что Витас не праздновал тридцатилетие своего главного фильма, а справлял поминки по самому себе. Он жил с искусственным сердечным клапаном, ему категорически нельзя было пить и курить. Но — очевидно, в том числе и потому, что трезво ощущал необратимость гибели советского кино — плюнул на все, снял на три дня и три ночи «Нерингу» и созвал гостей на шикарный кутеж. Пил, курил, дразнил Марлена Хуциева и Евгения Догу, да еще и дрался — как он дрался — в гостиничном ресторане. Он вообще был бретером: о его рыцарственном рукоприкладстве в Литве ходили легенды.

Праздник удался. Через считанные месяцы Витас умер.

* * *

Тексты, вошедшие в книгу, в большинстве своем были опубликованы ИД «Коммерсантъ» и в журнале GQ, а специально для этого издания дополнены и переработаны. «Стихотворение в прозе» памяти Алексея Балабанова, открывающее книгу, написано для сборника «Балабанов» («Сеанс», СПб., 2013). Тексты о Джоне Форде и Луи Доливе — для сайта «Искусство кино», текст о Дамиано Дамиани — для журнала «Сеанс».

I

У ВАС ЕСТЬ КРЫЛЬЯ?

(Памяти Алексея Балабанова, 1959–2013)

...я вам уши на ходу отрежу.

Атос

Руслан подошел к Аслану, достал
на ходу нож и отрезал ему ухо.

«Война»

Его разбудило вот это: «Ты снимаешь вечернее платье,
стоя лицом к стене...» (Илья Кормильцев)

Стоя... лицом к стене?

Стоять! Лицом к стене! (Руки в гору!)

Испортил песню, дурак... «Выкиньте его на хер отсюда!»

«А я все полз, все полз сквозь взрывы, / И лишь услышав
громкий крик: / „Стой, бля! Стреляю! В землю рылом!“ / Я по-
нял, что среди своих» (Всеволод Емелин).

«На колени, руки за голову!»

Брат?

«Кто здесь есть? Брат, сестра, теть! / Смотрите на меня —
я иду поджигать <...> я иду поджигать наш дом» (Кормильцев).

«А где уроды?» Сиамские братья Маркс: Каин и Авель.

«Ну, здравствуй, брат».

(Здравствуй, Бим! — Здравствуй, Бом!)

Не Бом ты мне, гнида черножопая...

«Брат, ты брат мне!» — «Не стреляй, брат. Пожалуйста, не стреляй».

Братья... Братья? Братья!!! «Слышите!!! Не стреляйте!!!»
(«Броненосец „Потемкин“»)

Как «не стреляйте»?

«У человека нет предрасположенного инстинкта смерти. Он хочет выжить. Как только ни мешаешь ему это делать, он каким-то образом находит способ это сделать. Выжить»; «Когда на уровне технологии я объясняю это людям осведомленным и включенным в процесс принятия решений, у моих американских коллег бледнеют лица и отвисают челюсти. Я не шучу» (Егор Гайдар).

Велик был и страшен год 1997-й... и 1996-й тоже, и 1995-й, и 1994-й, и... тоже, тоже, тоже... «Мы живем, под собою почуяв страну» (Зоя Эзрохи).

Улица страшного сына. Трамвай, арбуз, красный кирпич... Красный, как желтый трамвай, как арбуз и кровь.

«Я вижу цвет, но я здесь не был» (Кормильцев).

«Шестой арбуз сегодня съел. Не могу остановиться». — «Муж объелся груш». — «Кирдык...»

Америке? Ну, почему же только Америке?

«Антиамериканские чувства — это, в общем, признак душевного нездоровья» (Егор Гайдар).

«Мы только мечтаем, / Морлоки и орки, / Как встретим цветами / Здесь тридцатьчетверки» (Емелин).

Для шишек рано, для кислоты поздно. Может быть, морфию? «Нельзя мне в больницу, немец».

Тогда на Смоленское? «Любишь медок, люби и холодок...»

Ты зачем вообще на Васильевский пришел? Ты же не немец.

Смоленское — немецкое. Немец Гофман расскажет сказку на вечную ночь брату, младшему, маленькому, как Вера, — им бы встретиться. Были бы как Бонни и Клайд.

«Давай с тобой научимся / хорошо стрелять! / Мне скучно. / Я не хочу / стариться и гулять <...> Мне ничего не надо. / Пусть сдохну я. / Бабушка на веранде / мне читает Гофмана» (Алина Витухновская).

«Я евреев как-то не очень...» — «А немцев?» — «Немцев нормально». — «А в чем разница?»

«Еврей в России больше чем еврей» (Емелин).

Да, уже ни в чем разницы нет, Брат. Тут одни немцы в городе, кроме Немца. Миллионы «хозяйственных субъектов». «Дед, продай ружье». — «Мильён». «Башли будут, оттопырятся». «Ну что, гниды синие, сдаем по полтинничку».

Даже Татарин — и тот немец: «вперед много взял».

В этом городе убивают только днем.

«Кто — пустил — сюда — этого — придурка?»

Кто?

Пустил?

Сюда?

Этого?

Он сам пришел. «Это был не Татарин! Молодой. Все классно сделал». Надо же: Брата не узнали.

«Здорово, бандиты». Хлоп-хлоп. Незванный брат хуже Татарина.

Придуток... В штабе служил... Писарем, да? На стрельбище водили... строим... Ходит, как отсос... Дембель не отгулял еще... Чечена завалил...

Еще очки надел!.. когда на Чечена шел. («Когда я шел на медведя, на Адам-зада я шел») (Редьярд Киплинг). Очки не темные — светлые: свидетельство разделенной любви к родине. Повезло с родиной — с женщиной не повезет.

«„Вот тут прошла моя пуля“ — „Значит, мой господин попал в голову?“ — спросила Магги... и кокетливо улыбнулась» (Балабанов, нереализованный сценарий «Пан» по Кнуту Гамсуну).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

I

«У вас есть крылья?» (Памяти Алексея Балабанова)	13
Леонид Агранович	17
Донатас Банионис	22
Алексей Баталов	27
Андрей Битов	31
Юрий Богатырев	35
Юрий Бондарев	41
Иосиф Бродский	46
Алексей Булдаков	49
Андрей Вознесенский	52
Эдуард Володарский	59
Анри Волохонский	62
Валентин Гафт	66
Алексей Герман	69
Вера Глаголева	83
Станислав Говорухин	87
Николай Губенко	90

Армен Джигарханян	95
Лев Дуров	99
Евгений Евтушенко	103
Михаил Жванецкий	107
Георгий Жженов	110
Нина Иванова	118
Александр Кайдановский	122
Николай Караченцов	128
Леонид Квинихидзе	131
Михаил Козаков	135
Владислав Крапивин	139
Василий Лановой	143
Эдуард Лимонов	147
Сергей Михалков	154
Андрей Мягков	159
Валерий Огородников	162
Николай Олялин	165
Геннадий Полока	168
Михаил Пуговкин	174
Ия Саввина	177
Татьяна Самойлова	180
Ирина Скобцева	184
Виктор Соснора	188
Олег Табаков	194
Георгий Тараторкин	197
Вячеслав Тихонов	200
Толстый	204
Евгения Уралова	208
Георгий Шенгелая	212
Анатолий Эйрамаджан	216
Сергей Юрский	219

Евгений Юфит	223
Олег Янковский	227
P. S. Василий Чапаев	232

II

Слим Ааронс	243
Теодорос Ангелопулос	246
Микеланджело Антониони	250
Эд Банкер	260
Ингмар Бергман	263
Хамфри Богарт	266
Ален Бомбар	271
Анджей Вайда	274
Михал Вашиньски	277
Гор Видал	282
Лукино Висконти	286
Том Вулф	291
Жа-Жа Габор	294
Ганс Рудольф Гигер	298
Менахем Голан	301
Стэнли Грин	304
Тонино Гуэрра	308
Дамиано Дамиани	313
Дино Ди Лаурентис	320
Джеймс Дин	323
Кирк Дуглас	329
Эдуарду Коутинью	333
Уэс Крейвин	336
Рауль Кутар	339
Кристофер Фрэнк Карандини Ли	342

Бела Лугоши	346
Джерри Льюис	351
Луи Маль	355
Крис Маркер	363
Анна Марли	368
Марчелло Мастоаянни	371
Артур Миллер	376
Лесли Нильсен	380
Бетти Пейдж	383
Сэм Пекинпа	386
Пьераль	390
Франческо Рози	392
Бертран Тавернье	399
Ширли Темпл	403
Хантер Томпсон	406
Норманн Уиздом	412
Джон Форд	414
Фрэнк Фразетта	419
Хесус Франко	422
Альфред Хичкок	425
Деннис Хоппер	430
Клод Шаброль	437
Омар Шариф	442
Пьер Шендорфер	445
Шуты (Тото, Паоло Вилладжио, Роберто Бениньи)	448
Миклош Янчо	454
P. S. Луи Доливе	458